3

— Хорошо постарался, вице-капитан Ноузен.

Остановив Джаггернаут на выделенном месте в ангаре, Шин услышал, как его окликнули. Он повернулся и столкнулся с улыбающимся юношей со светлыми торчащими волосами.

— Капитан Нунат.

— Зови Эйджу… Хех, сколько говорю тебе, да ты ни разу не послушал. Упертый.

Громко рассмеявшись, капитан отряда Эйджу Нунат подошел к Шину. Он был на голову выше, красные глаза радостно сверкали.

— Задал же ты трепку сегодня. Благодаря тебе я и остальные члены отряда спаслись.

— Я просто указал на передвижения врага.

— Этого оказалось более чем достаточно. Уже то, что им не удалось застать нас врасплох, многое значит.

На этих словах улыбка Эйджу стала шире. Алые — цвета заходящего солнца — глаза были с оттенком, характерным для Шпинель.

— Ты молодец, что рассказал мне. Мы бы так и так выяснили это, как только синхронизировались бы с тобой достаточное число раз, но, чтобы сказать нам, тебе пришлось набраться смелости. Спасибо.

Он поверил.

— …Да не за что, — качнул Шин головой.

Тут действительно не было ничего особенного. Эйджу правильно заметил, все бы узнали после нескольких синхронизаций с ним.

— Просто прими комплимент, — иронично улыбнулся Эйджу. — Что, ты из тех, кто от похвалы или благодарности нервно дергается?

— …

Дело совсем не в «дергается или нет».

Тут не за что благодарить, поэтому похвала ощущалась не к месту. Поняв, что Шин не намерен встречаться с ним взглядом, Эйджу улыбнулся еще ярче и сменил тему:

— …Кстати говоря, уже почти год минул с тех пор, как ты попал на поле боя, да?

Шин безучастно взглянул на него, неуверенный, к чему капитан клонил. Эйджу рассмеялся, по-видимому, добившись желаемого результата.

— Пора бы тогда задуматься о позывном, что скажешь? О, еще о личной метке! Ты должен над ними помозговать. Хотя знаешь что? Я помогу тебе с одним!

— О…

Вопреки Эйджу, который чрезмерно взволновался, хотя к нему это отношение не имело, Шин выразил полную незаинтересованность.

К процессорам, пережившим год на поле боя, менялось используемое в операциях обращение. Если сперва давалось кодовое имя, которое включало номер взвода и идентификатор, то после это был уникальный позывной. Агрегат впоследствии также украшался уже не простым обозначением, а личной меткой.

Такой вот получился обычай в восемьдесят шестом секторе, поскольку большинство «восемьдесят шесть» погибали в первый год службы. Конечно, никакие пометки в официальные документы Республики не заносились, зато это допускалось. Кураторов и вышестоящих офицеров мало заботили обычаи у свиней в человечьем обличье.

— Надумал, может, чего? Типа, знаешь, что-то эдакое, чтобы вот сразу понятно было, что оно твое?

— Это же просто обозначение для идентификации. Все одно: имя, позывной или номер лагеря, — сказал Шин, едва не выплевывая слова от недовольства.

Услышав это, Эйджу нахмурился.

— Ты ненавидишь свое имя, Шин?

— …

На мгновение в памяти с поразительной ясностью всплыли голос и пара глаз.

«Шин. Грех. Это твоя вина. Все это только из-за тебя!»

— Не то чтобы… — сказал он почти надломившимся голосом.

Шин понимал, что в словах не было уверенности, поэтому опустил взгляд. Даже того не осознавая, он стиснул руки в кулаки, и ногти впились в кожу. Эйджу решил сделать вид, что не заметил реакции.

— Ну, если еще нет предпочтений, я что-нибудь придумаю. Дай-ка подумать… — Он на миг умолк в раздумьях, а потом поднял указательный палец, как бы говоря, что у него возникла идея. — Как насчет Балейг? Это прозвище бога. Бога войны, кто ведет армию мертвых воинов с пылающими глазами. Прямо под стать тебе. Ты силен как бог или монстр, плюс то обещание, о котором ты рассказал мне… и у тебя красивые глаза, к тому же.

Шин глянул на Эйджу, а тот хвастливо ухмыльнулся. Словно бы удачно разыграл братишку. Шин смущенно отвел взгляд. Он и мечтать не мог о таком к себе обращении. Воспоминаниями он постоянно возвращался к тому, кого уже не должен помнить. Пусть даже лицо или улыбка, или хоть что-либо о нем уже стерлось из памяти.

— …Оно мне не подходит.

— Думаешь? Знаешь, если у тебя будет позывной, то он обязательно должен быть крутым. Все-таки… — Эйджу пожал плечами, когда Шин снова на него посмотрел. — …ты правильно сказал. Это же просто обозначение для идентификации. Игра в притворство, если хочешь, — она хороша тем, что чувствуешь себя лучше.

Провожая взглядом спину низкорослого вице-капитана, Эйджу встретился глазами с командиром бригады обслуживания, который стоял неподалеку.

— Придется нам взвалить на тебя работенку, главный механик Сейя.

— Обслуживание и починка лежит на нас, поэтому я не против… Но, Эйджу…

Оба они, будучи еще ребятней, учились в одной школе, а после их забросили на поле боя. Сейя направил на него горестный взгляд. У него были светлые, почти седые волосы и бледно-фиолетовые глаза, черта родословной мигрантов с северного соседа.

— Меня поражает, как ты проявляешь заботу о том жутком ребенке.

— А что-то не так? — спросил Эйджу.

— Сколько погибло сегодня? А сколько с его появления?

— А… — ответил он вздохом.

Снова.

Шин присоединился к отряду два месяца назад и сразу стал вице-капитаном. Цепочка командования в восемьдесят шестом секторе определялась исключительно военным мастерством, к тому же о красноглазом мальчике и так ходили зловещие слухи.

— Наверняка это не его вина, — отмахнулся Эйджу от намека Сейи.

— Я вот в этом не уверен. Эта его… Говорят еще, что во всех своих прошлых отрядах он единственный, кто оставался в живых.

Эйджу нахмурился. Он знал своего лучшего друга: тот не был плохим, но его отношение к друзьям и ко всем остальным разительно отличались. Сейя всем сердцем переживал за друзей, из-за чего категорически отвергал все, что могло им навредить. Эйджу это знал, но…

— Ну, эта часть, скорее всего, правдива. Этот мальчик, он же…

Эйджу посмотрел в сторону бараков, где за стеной ангара располагалась комната Шина. Шин почти все свободное время проводил в ней в одиночестве. Эйджу ни разу не видел, чтобы он болтал с детьми-одногодками.

— Он не обращается к остальным по именам. Он дал то обещание, поэтому не думаю, что это из-за нежелания запоминать… скорее, он хочет держаться на расстоянии.

От солдат, которые обречены погибнуть. Настрой, точно у всех носителей позывных — «восемьдесят шесть», заслужившие продолжительным выживанием личную метку, — которые адаптируются в какой-то момент. Даже Эйджу знал, какого это.

Ведь чем сильнее ты привязываешься, тем больнее терять.

Носители позывных, вроде Эйджу, потеряли больше людей, чем сердце могло бы выдержать. Каждый год на поле боя зачисляются новые процессоры, а выживает лишь один из тысячи. Но именно поэтому…

— Это не его вина.

«Восемьдесят шесть» погибают. Абсолютно каждый мог умереть в восемьдесят шестом

секторе, чрезмерно легко и без намека на почести. Некого за это винить.

— Эйджу…

— Кассандра была вестницей несчастья, каждое ее пророчество сбывалось. Но это не значит…

…что причина увиденной катастрофы в самом пророке. Не все катаклизмы можно избежать, а человеческое общество склонно выискивать виновника.

Прямо как Республика обвинила в своем поражении в войне «восемьдесят шесть» и сослала их на поле боя.

— Кассандра никогда не хотела, чтобы катастрофы сбывались, и уж тем более не хотела призывать их.

2

— …Вот что говорит Эйджу. Но кто ты, скажи-ка? Вестник или приносящий мор?

Шин побил бывшего вице-капитана, хоть тот и был старше и крупнее. Никто не мог сравниться с ним в сражениях с Легионом. Но, с другой стороны, у него имелась склонность доводить Джаггернаут до пределов, выжимая всю мощь. Получалось, что в отряде он сильнее всех корежил свой агрегат.

Он переламывал Джаггернаут в каждой миссии, и весьма изощренно. Дошло уже до того, что ремонтные работы не поспевали за темпом поломок. Единственное решение заключалось в том, чтобы предоставить запасной агрегат для попеременной замены.

И тем не менее сам он ни разу не получал тяжелые увечья. Сейя уставился на его бледное лицо, гадая, качается ли в голову вообще кровь; Шин смотрел на него в ответ. Алый взгляд не отражал ни единой эмоции, чего не должно быть у подростка его возраста.

— Не знаю.

— Что ты сказал?

— Кассандра сама не была уверена. Как я тогда должен понять, вижу ли я неизбежное будущее или просто представляю катастрофы и желаю их воплощения?

Шин тем более не знал, приносит ли он мор.

— …Ты… — прорычал Сейя, сощурив бледно-фиолетовые глаза.

— Я всего лишь не хочу умирать. Иначе бы я не стал раскрывать карты капитану или кому-либо еще… Мне так-то не нравится, что меня называют одержимым монстром.

— …

Шин говорил бесчувственным голосом без намека на энтузиазм или ненависть. Неуверенный, как толковать слова Шина, Сейя на миг умолк. Шин посмотрел на Джаггернаут с замененными деталями и новой подвеской, и сказал:

— Могу я узнать кое-что, главный механик?

Сейя повел бровью. От удивления и подозрений. Шин знал, что командир бригады ненавидел его, и он никогда не обсуждал с ним темы, не связанные с работой. И теперь он решил о чем-то попросить?

— Смотря что. Валяй.

— Можете объяснить, как снять ограничения на системах Джаггернаута? Двигатель, система управления, маневренность. Это касается всего функционала, куда установлен ограничитель.

— Кто тебе об этом сказал? — сощурился Сейя.

— Младший лейтенант Карен. Механик моего Джаггернаута.

— …Завтра наваляю этому идиоту.

Трещать обо всем на свете нормально, но некоторые члены бригады обслуживания имели дурацкую привычку разбалтывать о том, о чем не должны даже упоминать. Сейя вздохнул и продолжил с недовольным выражением лица:

— Ты осознаешь, зачем установили эти ограничители? Тут тебе не комикс или мультики, где снятие предохранителей увеличивает мощность робота. Это не прекрасная, удобная функция агрегата. Ограничители установлены там, потому что они необходимы. Даже с текущими установками пилотирование оказывает непомерную нагрузку на ребенка вроде тебя.

Мобильность Джаггернаута оставляла желать лучшего, а система амортизации была и того хуже. По скорости агрегат проигрывал Льву, Волку и даже Динозавру — сильнейшему, пусть и редко появляющемуся типу Легиона, — а все перемещения отзывались неимоверным шумом… и амортизация лишь слегка гасила тряску, отчего пилот отчетливо ощущал каждый шаг.

— Уверен, ты ни раз видел, как людей переламывало от пилотирования. Что, считаешь себя особенным, потому что смог прожить год?

— Нет, — невозмутимо качнул Шин головой.

Как бы то ни было, на безэмоциональном лице не прослеживалось ни единого намека на чувство неуязвимости, обычно проявляемого у детей его возраста. Он просто говорил, непоколебимо:

— Но без этого никуда. Без быстрого реагирования и возможности исполнять более сложные прыжки использовать высокочастотные лезвия… оружие ближнего боя будет слишком тяжело.

— Тогда просто забудь про оружие ближнего боя, которое, кстати, еще подбрасывает сверхурочную работу команде обслуживания.

Сейя не стал упоминать, что только самоубийцы будут пользоваться им. Высокочастотные лезвия, конечно, мощны, но дальность — скорее, радиус — поражения у них невероятно мала, что делало оружие весьма рискованным выбором. Но Шин использовал их осознанно, поэтому не Сейи говорить ему, что делать.

И Шину оружие ближнего боя, похоже, и правда давало преимущество. Он врывался в ряды Легиона, нарушал координацию врага и отвлекал. Временами он даже со Львом справлялся в одиночку. А значит, члены отряда подвержены меньшей опасности…

Все-таки… и правда казалось, что он не хочет видеть смерти товарищей.

— Ладно.

Шин от удивления поднял взгляд, но Сейя продолжил, не глядя тому в глаза. Как он и сказал, увеличить мобильность Джаггернаута означало пожертвовать безопасностью пилота. Большая нагрузка возлагается как на пилота, так и на агрегат.

За это благодарить уж точно не стоило.

— Я покажу, но завтра, как надеру задницу Карену. И как обслуживать также. Агрегаты для обкатки есть, так что присоединяйся. И еще… по поводу личной метки.

Шин удивленно моргнул кроваво-красными глазами… Этот его взгляд был под стать мальчишке его возраста. Сейя вздохнул.

— Пора с ним определяться. Эйджу ведь рассказал уже? Подумай, пока будешь сидеть внутри… Ну…

Обшивка Джаггернаута была русого цвета, как у сухих костей. Республика не давала выбора, но можно было поискать краску другого цвета в заброшенных арсеналах в близлежащих руинах.

— …если хочешь, мы можем покрасить в желаемый цвет.

1

После смерти «восемьдесят шесть» не получали надгробия и не оставляли имена. Получается, смысла в личных метках нет от слова совсем. По крайней мере, таково было мнение Шина, но люди хотели подобных украшательств. Сами, скорее всего, понимали, насколько это бессмысленно, поскольку никто их потом не увидит и не запомнит, однако все равно что-то подбирали для себя.

Городские руины покрыл слой снега, выпавшего днем ранее. Где-то здесь стояла церковь с разрушенным шпилем. Напротив нее Шин обнаружил разбитый Джаггернаут. Глядя сверху на личную метку на помятой броне, он погрузился в мысли.

Этот Джаггернаут не из его отряда. Броня была изодрана и побита, со следами воздействия снега, солнца и дождя. На бакелитовом сиденье в кабине умостился скелет в выцветшей полевой форме.

Черепа нигде не было видно. Со сломанных шейных позвонков не свисал серебряный жетон, а значит перед ним «восемьдесят шесть». Конечно, Шин уже знал, что тело принадлежало «восемьдесят шесть». Как знал и о том, чье это было тело.

— …

На Джаггернауте виднелась выцветшая личная метка: безголовый скелет с мечом на плече. Будто призрак, блуждающий после смерти по полю боя в поисках потерянной головы.

Шин некой частью холодного рассудка подметил иронию в этом, казалось бы, розыгрыше.

Шин не знал, что надоумило его нарисовать такую личную метку на своем агрегате. Быть может, это действительно была своего рода ироничная колкость, хотя он и сомневался — вряд ли его это хоть сколько-то заботило, чтобы сделать такой рисунок.

Но пусть так, в самом конце он звал брата.

«Шин.»

Слушая проникающий в уши голос, Шин прищурился. Затем он бесшумно спустился с

поломанной ноги Джаггернаута, на которой стоял. Тут ничего не осталось, Шин это понимал, но чувство было такое, словно он должен был хотя бы похоронить брата… Нет. Он хотел похоронить. Пусть не мог выкопать могилу, все равно хотел вернуть его в почву. А потом…

Он невольно потянулся рукой и коснулся личной метки. Он пообещал Элис и членам первого отряда нести за собой всех погибших. Пообещал помнить и нести до своего конечного пункта назначения.

И хотя Рэй не был одним из товарищей, но Шин чувствовал необходимость взять и его тоже.

Броня Джаггернаута представляла собой хлипкий сплав алюминия. Поговаривают, что наружную часть агрегата, которая также сделана из ломкого алюминия, можно срезать военным ножом. Тогда ножом он может немного соскоблить, потом штыком штурмовой винтовки отрезать и…

— Пи.

— …О, это ты.

Судя по всему, дрон искал его. Завидя старого падальщика, Файда, Шин отложил нож и поднялся. Во вчерашней битве они разделились, но падальщик так или иначе нашел его.

Дрон подошел ближе лязгающими шагами, а мальчик смотрел на заснеженную улицу, где оставил свой Джаггернаут, и заговорил:

— Прости, у моего Джаггернаута кончилась энергия. Займись дооснащением. Боеприпасы тоже кончились.

— Пи.

Сражение закончилось днем ранее, но они все еще находились в оспариваемых зонах. Он хотел как можно скорее выправить свое положение, в котором нет возможности дать отпор.

— И когда закончишь… — Шин хотел было отдать еще указы, но от осознания одного момента он удивленно моргнул.

Падальщики — машины по сбору мусора, подбирающие развалины Легиона и Джаггернаутов после битвы. У них имелись печи и резаки для резки металла, позволяющие обкромсать большие обломки.

Большинство падальщиков просто нарезали мусор и несли его обратно в перерабатывающие реакторы, но старая модель перед ним, до странного умная, может будет способна…

— Файд. Можешь срезать эту часть? Я хочу взять ее с собой, — спросил Шин, указывая пальцем на личную метку.

Он пообещал Элис выгравировать имена погибших на обломках их агрегатов. Но реальность такова, что их тяжело найти после битвы, поэтому обычно делал это на куске дерева или металла.

Но, возможно, если Файд сможет срезать броню для него…

— Пи!

Оптический сенсор Файда сверкнул.

— Тогда давай, за дело.

— Пи.

Легиона поблизости не было, а животные не питали интереса к высушенным трупам. Стояла зима: травоядные от недостатка пищи ослабели, отчего стали легкой жертвой для плотоядных. Скелет без плоти не представляет ценности для голодного хищника.

Для начала Шин сказал Файду снабдить припасами агрегат. Он потащился по снегу к спрятанному Джаггернауту, а за ним следовал верный падальщик. Файд ловко срезал личную метку, а вот захоронение тела заняло больше времени, чем ожидалось. Оказывается, выкапывать замерзшую почву довольно тяжело.

□

В конце концов, Файд не мог больше смотреть на нелегкий труд — или так оно казалось, — поэтому решил помочь: вдвоем они закрыли дыру, образовав сверху невзрачный холмик. Снег перестал падать прошлой ночью. Небо было ясным, однако ветер все еще пробирал до мурашек.

Шин прислонился к контейнеру Файда, поставленном таким образом, чтобы защитить от ветра. Он попил немного горячей воды, которую получил путем растопки снега, затем, когда солнце в зимнем небе начало ранний заход, встал на ноги.

— Пи.

Подтвердив, что Шин достаточно отдохнул, Файд также пришел в движение.

— Ага, выдвигаемся, — сказал он, посмотрев на круглый оптический сенсор.

Хоть это была лишь горстка выбеленных костей, ему недоставало выносливости и силы воли для полного восстановления после выкапывания могилы, но…

— Будут проблемы, если мы не вернемся до захода солнца… Если найдем любой обломок агрегатов капитана и остальных членов отряда, нужно также взять их с собой.

0

Вернулся только Шин и один падальщик, а вместе с ними — кучка алюминиевых пластинок, предположительно с агрегатов Эйджу и остальных в отряде.

— …А я ведь знал, ты бог чумы, — прорычал Сейя.

— Может быть, — сказал Шин, не глядя собеседнику в глаза.

Никто из отряда не выжил, но Шин отделался лишь парой синяков и царапин. И это еще несмотря на его роль авангарда в этой миссии, чья смертность была самой высокой относительно других. У него была дьявольская удача и абсурдные боевые навыки, но теперь они очень бесили.

Никто не вернулся, кроме него. Будто он украл их удачу, пожертвовал ими ради собственного выживания.

— Он выживал четыре года… — Сейя стиснул зубы. — Так почему сейчас он?!

Но он поджал губы прежде, чем успел закончить фразу. Ведь точно. Потому что он выживал четыре года в этом аду. Всем «восемьдесят шесть» суждено погибнуть. Бесчисленный Легион превосходил их во всем, и в этом районе военных действий сражения были особенно ожесточенными.

Пусть Эйджу погиб вскоре после присоединения Шина… но не в нем заключалась причина смерти. Совсем не в нем.

Разумом Сейя понимал эту истину, но эмоции брали верх. Дело-то не только в Эйджу. В этой битве полегли все. Даже если «восемьдесят шесть» суждено так или иначе погибнуть, гибель целого отряда — явление редкое.

Не говоря уже о том, что с тем же самым столкнулись все прошлые отряды Шина. Это бессмыслица.

Если не бог чумы, кто тогда он?

Бог смерти, наверное. Жнец, что беспощадно и без разбору рубит и друзей, и врагов…

Шин безразлично разомкнул губы, словно не ведая о закипающей злости в сердце Сейи, или как бы высмеивая попытки сдержаться от срыва.

— Главный механик. Капитан Нунат сказал мне выбрать позывной и личную метку, помните?

Сейя протяжно выдохнул, будто старался выпустить нарастающее внутри давление. Так вот о чем он решил сейчас заговорить?

— Ага… помню. Хотя мне казалось, он хотел помочь тебе с этим.

Думал, наверное, что Шин будет первым под его командованием, кто пережил один год. Возможно, он воспринимал Шина как младшего брата.

Но Эйджу больше нет. Он ушел, и теперь его нет.

— Да… Так вот, я решу для себя сам.

С этими словами Шин протянул Сейи небольшую алюминиевую пластинку. Сейя оцепенел и удивленно моргнул. Это был обломок брони Джаггернаута. Выглядел довольно потрепанным, и на нем была изображена незнакомая личная метка, успевшая выцвести. Она не кого-то из членов отряда на этой базе. Но тогда с чьего агрегата? Где Шин нашел его?

— У меня не очень с рисованием. Можете с этим помочь?

Так он просил нарисовать эту метку?

Сейя бессознательно взял пластинку и внимательно рассмотрел изображение. Безголовый рыцарь-скелет с длинным мечом на плече. Считалось, что носители позывных выживали, перешагивая через тела мертвых товарищей, и поэтому их прозвища были такими грозными и неприветливыми. С личными метками та же ситуация, поскольку они происходили в основном от позывных. Но от этого рыцаря-скелета исходило особенно зловещее ощущение.

Будто…

— …Будто бог смерти. Или могильщик. С лопатой было бы идеально. Чудовищный могильщик, что выживает в одиночку и копает могилы для сородичей.

Да. Словно ироничная колкость в адрес Шина.

□

От замечания Шин скривил губы в едва заметную улыбку. Леденящая кровь ухмылка, от которой командир бригады обслуживания на десять лет старше испуганно отпрянул.

— Ага. Звучит неплохо.

Все члены отряда погибли во вчерашней операции. То же произошло с прошлым его отрядом, позапрошлым и даже перед позапрошлым — выживал только он один. Сгинули все остальные, все те, кто сражался с ним плечом к плечу. Все до единого. Без исключений.

Раз так, он не возражал против этого прозвища. Если он наконец-то признается сам себе, что это правда, ему будет проще.

Бог чумы. Или смерти. Если он сможет принять, то все с ним будет в порядке.

Сделаться ненавистным монстром, одержимым призраками, будет даже удобно. Пусть остальные поглядывают на него издалека. Тогда, как только кто-то погибнет, его сердце не дрогнет от взятой на себя цели нести всех до своего конечного пункта назначения. Он должен выжить, даже если придется сражаться в одиночку. У него есть желание, которое нужно исполнить. Тогда ради его воплощения лучше просто ни на кого не полагаться.

И тем, кто дал это понять…

Он сощурил алые глаза и скривил губы в холодную улыбку. Выражение лица Сейи одеревенело от ужаса. Или, возможно, от трепета. Файд рядом дрогнул. Шин не мог увидеть, насколько жутко, насколько страшно исказилось его лицо.

— Думаю, это будет моим позывным. Ага. Оно мне идет.

Прозвище означало бога смерти, самого привычного, самого любимого и самого пугающего на поле боя верной смерти. Он тот, кто ближе всех к смерти, но не умирает, а хоронит остальных. Он тот, кто помещает погибших товарищей в несуществующие могилы. Кто похоронит всех будущих товарищей. Кто доживет до самого конца, пока в конце дороги, где ждало его что бы то ни было, не похоронят его самого.

□

— Могильщик.

Дополнение

В схватке с Легионом в один из дней броня Могильщика сломилась вокруг блока кабины. Часть брони нуждалась в полной замене. Как раз в месте с личной меткой. И поскольку изображение было уникальным, для перерисовки требовался трафарет.

И поэтому…

— …Вот. Готово.

Сео встал и потянулся: худые руки в рукавах комбинезона запятнались краской. Затем он взглянул на недавно замененную белоснежную броню и свежеокрашенную личную метку.

Безголовый скелет с лопатой на плече.

Рисуя время от времени этот символ на протяжении нескольких лет, Сео в полной мере понимал, что скоро метка снова будет перекрыта потертостями. От этого он чувствовал себя немного тоскливо. Он гордился этим рисунком, впрочем, как гордился другими личными метками, к которым приложил руку.

Понаблюдав за работой издалека — Сео прогнал, чтобы не отвлекал, — Шин подошел и уставился на агрегат. На нем была форма Союза цвета стальной синевы. Сео все никак не мог привыкнуть к этому виду, потому что годами видел его только в камуфляжной форме.

— Прости, что каждый раз приходится просить тебя об этом.

— М-м, да ты не переживай. Я же только для вас четверых рисую метки, и еще для Лены. К тому же мне нравится рисовать.

Потом он добавил, что в группе кроме него все равно никто не может иллюстрировать. Это напомнило Шину кое о чем.

— Кстати, когда мы познакомились, ты спросил у меня: «Что тут намалевано, не пойму?»

Сео скривил губы в язвительную улыбку и выдал: «О». Точно, их первая встреча в восемьдесят шестом секторе. В то время каждый сам рисовал свою личную метку.

— У Дайи совсем плохо получалось. Он пытался нарисовать черную собаку, а получался черный бегемот.

Сео сообразил, что на месте рисунка должен быть черный пес только потому, что Дайя сказал

про свой позывной.

— В оборотне Райдена едва проглядывалась собака-человек. Крена забыла про прицел на винтовке, а вот у Анжу неплохо вышло, хотя и по-детски.

Рисунки остальных были настолько плохи, что Сео сразу сказал: «Забудьте просто, с этих пор буду рисовать для вас личные метки».

Если они погибнут, Джаггернауты станут их гробами, а личные метки — надгробиями. Шин пообещал нести за собой их сердца и воспоминания, но тела все равно останутся, поэтому они заслужили хотя бы такого рода дань.

Немного предавшись воспоминаниям, Сео скривил губы в горько-радостную улыбку.

— Вам ни разу не выдавался шанс порисовать, поэтому навыки так и остались на уровне детей.

Самое большее, на что они могли рассчитывать, — просто пытаться остаться в живых, а в лагерях для интернированных тем более не поставляли принадлежности для рисования, которое могло бы отвлечь детей.

— Но конкретно твоя личная метка все никак не хотела укладываться в голове. Она словно была неплохой, классной и интересной, но вместе с тем такой хреновой.

— Ты можешь сказать прямо, знаешь? Что рисунок настолько непримечательный, что навевает скуку.

— Понимаешь, твои рисунки не то, чтобы непримечательные, просто ужасно практичные. И нет, не реалистичные. Будто лишены всяких эмоций… Ну да, наверное, простым «навевает скуку» можно подытожить описание.

Поскольку Сео говорил об этом перед Шином, ему стало казаться, что обычные остроумные и хлесткие высказывания могут быть неуместными. Так что он попытался — безуспешно, правда — сгладить углы. К счастью, Шина это не беспокоило. Сео был остер на язык и вел себя вызывающе, поэтому Шин уже почти не реагировал. Сделав вывод, что сластить пилюлю не для него, Сео продолжил:

— Рисовать у тебя не получается, зато зарисовки выходят что надо. Карты там, схемы. Ты будто в принципе ничего не рисовал раньше, кроме как на инструктаже, когда объяснял особенности местности.

— Хорошо подметил.

— Что, так ты правда ничего, кроме этого, не рисовал?

Понятно теперь, почему рисунки выглядели столь практично. Думая об этом теперь, Сео не был уверен, хорошо или плохо то, что Республика не выдавала ни одной карты секторов.

Но сейчас… сейчас дела обстояли иначе. Союз предоставлял все необходимое для сражения, будто это само собой разумеющееся. Поддержка, образование, досуг. И право быть похороненным после смерти и оплакивать погибших.

— …Знаешь, Шин… — произнес Сео. Он почувствовал на себе взгляд алых глаз.

Сео же смотрел на перерисованную эмблему безголового скелета. В зловещем символе бога смерти они видели спасение в восемьдесят шестом секторе, но…

— Не собираешься менять личную метку? Я имею в виду, прозвучит, может, и странно, но тебе не нужно больше нести этот груз.

Весь тот вес, что он нес на себе до сих пор. Обязанность, которую они возложили на него без задней мысли. Сео испытывал смешанные чувства, но Шин, казалось, не замечал этого. Он просто с сомнением взглянул на Сео, словно неуверенный, с чего вдруг он спросил об этом.

— Тебе она не нравится? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет, по поводу рисунка я ничего не имею против… Мне просто кажется, эта метка — своего рода плохая примета, наверное?

— О… — промямлил Шин. На миг он умолк, а затем пожал плечами. — Может и так. Но как-то стыдно называть это плохой приметой, учитывая, что она у меня вот уже шесть лет.

— …Ну да, — согласился Сео с саркастичной улыбкой.

Он все еще чувствовал себя неоднозначно насчет метки, но, если Шину нормально, нормально и ему.

Шин повернулся к изображению и вдруг сказал:

— Кстати говоря, насчет метки Лены…

Сео фыркнул.

— А, да. Нарисовал ее я, но никакой конструктивной критики не принимаю.

http://tl.rulate.ru/book/36621/2030796